

Театр Яго: игра в карты

Деклан Доннеллан – между русской и английской актерскими школами

Екатерина Ефремова
Санкт-Петербург

Российскую премьеру шекспировского «Отелло» в постановке Деклана Доннеллана с актерами лондонского Cheek by Jowl Theatre в Петербурге вынужденно сыграли без декораций и костюмов художника Ника Ормерода и, кажется, даже без фонограммы.

Не хочется связывать этот инцидент с проблемами Британского совета на нашей территории. Но неприятные мысли по этому поводу возникли, и, боюсь, что не только у меня.

Спокойно к этой ситуации отнесся разве что сам Деклан Доннеллан. По крайней мере внешне. Форс-мажорное извещение об отсутствии транспорта, перевозящего декорации и костюмы, было преподано публике так: «Думаю, они, отдельно от меня, совершают турне по странам Прибалтики». Главное, что все актеры были на месте.

Костюмы и обувь взяли из «подбора» МДТ – Театра Европы. Декорацией спектакля стала сама сценическая «коробка», на которой в некотором беспоряд-

ке лежали пять плоских деревянных то ли сундуков, то ли футляров, то ли походных кроватей. Костюмы и в своем первоначальном авторском варианте были достаточно эклектичны, а декорационные изыски Доннеллан и так не приветствует. Актеры в экстремальной ситуации были чрезвычайно собраны, точны и «выложились» на все сто.

«Отелло», пожалуй, разыгрывается режиссером как карточная партия: пять странных деревянных конструкций на сцене суть – карты, раскинутые на игровом столе, одна – Отелло, другая – Дездемона, дальше – Эмилия, Кассио, Бьянка... Да и сам Яго, хоть и воображает себя «ведущим» игроком, на самом деле лишь одна из выброшенных на игровое поле карт, которая в этой партии оказалась козырной и по странному стечению обстоятельств может влиять на ход событий.

Доннеллан дал роль мавра «черному» актеру Нонсо Онози – человеку-«горе», похожему на боксера-тяжеловеса. Он спокоен и доверчив, пожалуй, в традиционной пушкинской трактовке. Дезде-

мона – Керолайн Мартин, напротив, девчонка «мелкая» и шустрая. Любовь возникла между двумя абсолютно разными людьми – героем войны и не нюхавшей пороха домашней девочкой. То, что их связывает, – чувственность, неподвластная воле – настолько сильно, что даже мысль об измене выводит Отелло из себя: он не в состоянии этого понять. Тем не менее довольно самокритично он приводит Яго целых три с его точки зрения весомых довода – он черен (некрасив), «языком узоров не плетет» (не умеет красиво говорить) и постарел. Месть его дика и ужасна: у Доннеллана он убивает Дездемону целых три раза.

Вначале поднимает на руках над собою в воздух, сжав ее шею чудовищным боксерским приемом, затем – кидает на постель и душист руками и, наконец, придавливает ее тело – своим, а лицо – подушкой. Пот просто катится градом у актера по лицу, все в конце концов завершается самоубийством мавра. У Доннеллана он, придя в себя и убевившись в невинности Дездемоны, своей же

собственной шпагой делает себе что-то подобное самурайскому хакари.

Как и у Шекспира, умирает и Яго (Джонни Филипс). Человечек молодой, юркий, в военной униформе, порой с какими-то бандитскими повадками, похоже, жизнь свою не представляет без сложно сплетенных интриг и интеллектуальных комбинаций. Как ему удается подавить волю мавра и заставить его действовать по своей указке – остается тайной. Кажется, его «гениальный злой ум» (цитирую режиссера) из породы тех, что планируют террористические акты, ведут военные действия, убивают, взрывают и губят других людей.

Доннеллан лишь мельком упомянул об этом на пресс-конференции, но, думаю, что у него, как и у каждого человека, живущего в сегодняшнем мире, все эти мысли плотно «сидят» в «подкорке». Ответ кажется прост: полюби хоть кто-нибудь гениальное чудовище, планирующее все эти ужасы и злодейства и забавляющееся ими как чисто интеллектуальной игрой, может, и мир стал бы иным.

независимая 2004 – 21 июня. – с. 8